

Новости литературы

и журналистики

Мас. 26853

С.

къ тѣмъ временамъ, когда „не въ шутку, не за денешки, не три—четыре мѣсяца, а цѣлый вѣкъ“ приходилось выслушивать и исполнять рѣчи теперешняго Послѣдшаго. Но авторъ „Борьбы за идеализмъ“ властители душь никогда не былъ. Шумный періодъ его литературной дѣятельности длился очень недолго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ выкинуто было нѣтъ знамя, которое нѣкогда очень туманный и неопредѣленный цвѣтъ, — настолько неопредѣленный, что даже теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, авторъ съ горечью говорить, что его признавать „декадентомъ, послѣдователемъ Ницше, неутиреннаго поклонникомъ Вюльффеля, эстетомъ“, тогда какъ ни первый, ни второй, ни третий, ни четвертый онъ, по собственному признанію, никогда не былъ. Онъ рѣшилъ, что „послѣ двухтысячелѣтней исторіи христіанская мысль должна разрѣшить задачу огромнаго, всемірнаго значенія, — задачу искусства, важнѣйшую между всѣми другими задачами настоящаго времени, потому что міръ страдаетъ отъ уродства такъ же, какъ и отъ нравственнаго ничтожества“. И для того, чтобы содѣйствовать спасенію міра отъ уродства, было водружено неопредѣленное знамя, подъ которымъ очень опредѣленно „разносились“ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій и другіе писатели, съ литературной дѣятельностью которыхъ связаны наиболѣе свѣтлые моменты въ умственной жизни русскаго общества. Подъ этимъ же знаменемъ вышла притомъ небольшая кучка балетристовъ и поэтовъ, которые на разные лады повторяли:

„Есть одна только вѣчная заповѣдь —

Въ красотѣ, въ красотѣ, песнотра на на что“.

(О. С. Мережковский, „Новыя стихотворенія“).

Какая идея они защищали и защищали

ли вообще какую-нибудь общую идею, можно видѣть изъ того, какъ оцѣниваетъ своихъ соратниковъ самъ авторъ „Борьбы за идеализмъ“. Въ нижней тѣхъ книгъ можно найти много отзывовъ о нихъ, и эти отзывы далеко не ласковы какъ для даровитыхъ соратниковъ, такъ въ особенности для вѣтъ идей, въ которыхъ, по опредѣленію г. Волынского, не было ничего стойкаго, яснаго, ничего принадлежащаго самимъ авторамъ. „Это — сборъ навѣянныхъ и внушенныхъ идей, не породившихъ дѣльнаго глубоко-личнаго творчества“, — говоритъ авторъ о произведеніяхъ подвизавшейся подъ однимъ знаменемъ съ ними поэтессы г-жи Гиппиусъ. „Ея идиллическіе рассказы, при отсутствіи органическаго художественнаго построения, слитности идей и формъ, представляются сборищемъ случайныхъ для автора повѣстей, иногда протѣкающихъ другъ другу, борющихся между собой, — но не такъ, какъ это бываетъ въ страстной и сложной душѣ, а какъ это бываетъ у души безъ собственной свѣтлицы, готовой раскрыть себя для истины и жизни“. „Бѣдность психологическаго содержанія, при истерической кривизнѣ формъ, обрекаетъ ея творчество на бесплодность и безплодность“, — таково окончательное приговоръ, изрекаемый авторомъ объ одной изъ ближайшихъ сподвижницъ на поприщѣ служенія неопредѣленному знамени. „Это — не увлекательная и чистая струя восторга, бьющая изъ глубины души, а какое-то случайное вѣніе вѣтанъ, какая-то аффективная молодого стихотворца, легко отдающагося попутнымъ теченіямъ, — говорить авторъ о другой своей соратницѣ, г. Мережковской; — всѣ эти дивныя, растянутыя и на половину безсодержательныя поэмы съ удовольствіемъ отдашь за одно небольшое, но искренно почувствованное стихотвореніе, написанное съ дѣйствительнымъ талантомъ, но извѣстнаго

никакого игромъ на повышение тѣхъ или другихъ философскихъ принциповъ“. Произведенія третьяго сподвижника, г. Сокогува, авторъ называетъ „стихотвореніемъ съ вульгарною риторикой“.

Итакъ, даже въ минуты сравнительнаго величія и побѣдоноснаго водруженія знамени послѣднее собирало вокругъ себя только людей, „легко поддающихся попутнымъ теченіямъ“, „готовыхъ раскрыть себя для всякаго вліянія“, соединившихъ „бѣдность психологическаго содержанія съ истерической кривизною формъ“ и дававшихъ вѣсто столь излюбленной имъ красоты лишь „стихотвореніемъ съ вульгарною риторикой“. Знали ли войско, что вождь дѣлаетъ каждому изъ участниковъ столь вѣстную для нихъ оцѣнку, ясно ли видѣлъ тогда вождь слабыя стороны войска, — неизвѣстно, но, какъ бы то ни было, кроме названій отличалось болѣе шумомъ, громкимъ вызовомъ, сильными набѣгами и вѣтанъ не стѣсненнымъ приговорамъ. Пересматривались прежнія ученія, ниспровергались шедеврами писателей, съ памятью о которыхъ связывались для русскаго общества лучшія представленія; на тысячи ладовъ повторялось утвержденіе, что „важнѣйшая между всѣми другими задачами настоящаго времени — задача искусства“, громко провозглашалось наступленіе царства новой красоты. И хотя въ выраженіи своихъ положительныхъ идеаловъ сторонники новой красоты продолжали соединять „бѣдность психологическаго содержанія съ истерической кривизною формъ“, хотя каждый изъ нихъ видѣлъ въ новомъ ученіи не то, что сосѣди, — во всѣ они успѣшно сходились въ желаніи игнорировать дѣйствительныя требованія общества и „этические запросы“ переживаемаго момента.

Прекрасные для Аранжуэда прошлыя дамы раньше, тѣхъ можно было ожидать.

Победоносная „борьба за идеализм“ оказалась безуспешною войною съ общественнымъ равнодушіемъ, — войной, окончившеюся незамѣтнымъ исчезновеніемъ съ поля битвы чемпионовъ новой красоты. Грохотъ крика смолкъ, знамя упало, и разрушавшіеся когда-то съ такимъ торжествомъ пьедесталы продолжали стоять такъ же солдапо, какъ прежде, — и отъ всего этого инцидента не осталось даже слѣдственныхъ воспоминаній, которыми помышляли бы ему быстро пораста „травой забвенія“.

И вотъ теперь, когда все это инновало, когда нерасцвѣтшія, но отцвѣтшія цвѣты новой красоты давно успѣли совершенно поблѣкнуть, когда на спасеніе міра, „страдающаго отъ уродства такъ же, какъ и отъ нравственнаго ничтожества“, не осталось никакой надежды, — колышется „Борьба за идеализмъ“ какъ Послѣдній на разрабатывать крѣпостнаго права. Слышатся опять тѣ же рѣчи, предполагаются кака-то власть надъ душами, кака-то престижъ, который прежде былъ престижемъ новизны, а теперь потерялъ даже это свойство. И все это производитъ теперь то же впечатлѣніе, какъ ни къ чему ненужныя, нѣкітъ серьезно неносириваемыя, потерявшія значеніе и почну рѣчи Послѣдыша. Русскія души и прежде не были въ крѣпостной зависимости отъ автора „Борьбы за идеализмъ“, но шумъ, грозные вѣдѣніи, безапелляціонныя сужденія и постоянныя покрисанія знаменитъ давали всему предпріятію видъ нѣкаго-то движенія, которое, какъ бы безпощевно и сѣбно оно имъ казалось, могло разрастись, какъ разрастаются бодланенные наросты на организмѣ, почену-либо въ данный моментъ особенно предрасположенномъ къ патологическимъ воспріятіямъ. Время показало, что опасенія такого рода были несостоятельны, — и тѣтъ большее впечатлѣніе ненужности и нелоздности производить вышедшая теперь

„Борьба за идеализмъ“.

Въ журналѣ *Жизнь* помѣщена новая, производшая очень сильное впечатлѣніе на читателей повѣсть А. П. Чехова „*Въ сараѣ*“. Обычное для послѣднихъ произведеній автора унылое настроеніе, связанное съ констатированіемъ безсмысленности человѣческихъ дѣйствій, ведущими къ несчастіямъ, несправедливостямъ, страданіямъ, — господствуетъ и здѣсь. Не совсѣтъ обыкновенная драма разыгрывается въ деревнѣ, въ средѣ семейства, чуждаго обычнымъ деревенскимъ заботамъ о тяжеломъ трудѣ и малой прибыли. Богатый лавочникъ Григорій Цыбукинъ очень счастливо ведетъ торговлю негодными продуктами, приносящими ему большой доходъ; настолько же счастливъ онъ образованностью и утильенъ старшаго сына, расторопностью невестки, благотворительностью жены. Старшій сынъ служилъ въ сыскномъ отдѣленіи, рѣдко прѣзжалъ домой, ограничиваясь присылкой подарковъ и замысловатыхъ писемъ съ подписью „Агентъ“. Невѣстка Анисья, жена младшаго сына, торговала въ лавкѣ, „обижала“ покупателей, вела тайную торговлю водкой, закрывала съ богатыми сосѣдями заводчики и наживала деньги. Жена лавочника подавала милостыню нищимъ, и на эту благотворительность сына смотрѣла какъ на „предотвращенный капиталъ“ отъ „грѣха“, который, „казалось, ступившись, уже туланою сталъ въ воздухѣ“. „Разъ шесть въ день въ домѣ пили чай, раза четыре садилась за столѣть. А потерю считали вырубку и записывали, потому спали крѣпко“. Въ одинъ изъ прѣздовъ старшаго сына зѣтали сыграть его свадьбу: нѣмалъ красивую блвную дѣвушку Лину, „ходившую на моденку“, и обвѣчали ее съ Анисьею, служившею въ сыскномъ отдѣленіи. Свадьба стоила „двѣ тысячи“.

„Тутъ было духовенство, приназначеніе со

людей и не их окружающих; грешить не только простых смертных, но и чиновников.

если не дать ему поистеть, то сам он не спросит: уже привык обидеть без него. И Барвара (жена) часто говорит: а наши вчерась опять легь не были. И говорит равнодушно, потому что привыкла».

крови, проды, нѣтъ на насъ погибали!"
Къ этому "проду" читатель даже чув-
ствуетъ состраданіе, можетъ-быть, по-
тому, что онъ знакомится съ тяжелыми

обстоятельствами его последней жизни, очень мало зная о душевном мире старика в период его власти и могущества. Об этом душевном мире мы узнаем лишь отчасти, потому что кро-

на інших особистостях, котрі, як і інші, мають свої особливості, але в інших інших особливостей свого багатого таланта авторьєв має унікальний охарактеризовувати поняття і стремління героїв, описывая чисто-визначені подробиці її життя. Результат насам

несправедливостей, которые совершались. Пыбуканным и помогавшим ему членам семьи, выражается, напр., в том, что „раз шесть в день в дом шли чай, четыре раза садились за столъ есть, а вечером

стали вырывать и записывали, потом
спали крики". И в этом время
провождения, и в других подобных по-
дробностях жизни не только отражаются
понятия и интересы действующих лиц

но, может-быть, таня и тот общий вы-
ход из положения, который неволь-
но ищет читатель. Руководимый авто-
ром, читатель склонен видеть во всем
несправедливой жизни Пыбукина сочета-

ние не столько возмутительным, сколько бессмысленным и безцельным поступком. Для того, чтобы получить такой желанный результат, как непрерывно пить чай, постоянная жда, счастливо выходя из комнаты, надо, как бы сказать,

ручки в повтореніє того же ви стігую-
 тія день, безсмысленно дѣлає ті обиди
 котрими дѣлає Цыбукині, в бездѣльї
 погрозить їй „гріхї“. В концї-кон-
 ців даже в ситаннє виручки, в без-
 протворнє дїє погрозити: „не сї-
 ло“.

идут разговоры, будто невестка выгнала
его (Щибуккина) из собственного дома
не дать ему жить в будто он. Корнелю
подлинного", — а сосланные из Катор

Алексинъ въ концѣ красиваго стикетворнаго посланія прибавляетъ некрасивый, едва разборчивый почеркъ: „Я все болѣе тутъ, нѣтъ тамъ, помогите ради Христа“. Никакого счастья не приноситъ никому бессмысленная выдѣлка закукъ молоденькой дѣвочки Лили за недавняго ее же разу Алексина. И такія образы несправедливости, обиды и притѣсненія, ведущія къ несчастію столько людей, не даютъ удовольствія даже тѣмъ, кто совершаетъ эти несправедливости, и вся жизненная путаница, кѣйшная основой постройку личнаго счастья на несчастіи другихъ, бессмысленна, безцѣльна и бесплодна.

Сдѣлать такой выводъ изъ повѣсти прельщаютъ однако многія ея детали. Начать съ того, что негнѣное и бессмысленное въ нашихъ глазахъ времяпрепровожденіе можетъ считаться истиннымъ счастьемъ и образомъ довольства для Цыбукиныхъ. Пять шесть разъ въ день чай, четыре раза ѣсть до отвала, нѣтъ въ постоянномъ расхоженіи нѣсколько безпокойства, — все это идеалъ! (Безпечальнаго житія для очень многихъ, а возможность ежесекундно считать вырубку можетъ удовлетворить даже очень дѣятельнаго натура. И если бы надъ Цыбукиными не свисало неоскѣпленнаго несчастія, то вся ихъ несправедливая жизнь была бы съ точна прѣимъ подобна нѣмъ людей вполне осмысленна, тѣмъ какъ она была бы въ полную удовлетворенію и счастьемъ. Не бессмысленно также и не безцѣльно жестокое поведеніе Алексинъ, которая устраиваетъ эти нуты то, что называлось счастьемъ. И если бы ей въ будущемъ грозила та же участь, что и Цыбукину, то это было бы простой случайностью, нисколько не указывающею на невозможность и бессмысленность состо-

ренія ея жестокостей. Такіе образы, въ новой повѣсти г. Чехова въ значительной степени затухающія та идея, которая проходитъ красной нитью черезъ многія его произведенія. Написанное просто и сильными языкомъ, новое произведеніе можетъ быть счѣто поставлено въ ряду лучшихъ произведеній автора.

Повѣсть г. Боборыкина „Одной породы“, повѣщенная въ первый двухъ книжкахъ *Восточника Европы*, также переноситъ дѣйствіе въ деревню, но издается другой среды и другихъ интересовъ. Анна Клукина, бывшая графиня Волгина, много лѣтъ назадъ порвала всѣ связи съ своей аристократической семьей, вышла изъ чужбинѣ замужъ за русскаго землемѣра, съ которымъ вполнѣ сложилась въ политическіе и общественные воззрѣнія, овдовѣла и уже начинающей старѣть женщиной вернулась во мѣсто упрямцаго отца въ родовое имѣніе. Здѣсь она имѣла всѣхъ членовъ своей аристократической семьи, встрѣтила обидчивыхъ помѣщиковъ, близкую поирту неаристократическаго происхожденія, неслучайно врача, работающаго въ деревенской средѣ „медичку“ и др. людей. Всматриваясь, именованная ея при новомъ знакомствѣ съ жителями имѣнія условіями житія, таковы. Старый графъ, бывший жупръ, гранитель аристократическихъ традицій, находится при постыдномъ издѣланіи. Дѣти его мужскаго и женскаго пола, — карьеристы, неумные, сухіе, алчные, частью уже достигшіе высокихъ степеней, — порицаютъ своей немощной разсудочностью и отсутствіемъ благородныхъ стремленій. (Вотъ они занаты одной заботой, какъ бы умирившій графъ не оставилъ своего состоянія болѣе долгое время подъ опекой дочери; для того, чтобы воспринять это, она не прочь

при
ци
да
ко
чуж
на
нот
„во
стра
ни
пер
нал
из
ла
ни
ути
брос
горе
прот
нѣт
без
бѣ
—
на
нѣ
нѣ
Пус
ско
А
эти
дѣл
всѣ
пот
ней
не
на
еди
нѣ
тутъ
его
кон
ее
ни

<И.Н. Игнатов>